

ПИСЬМО А. П. ЗОНТАГЪ¹⁾ КЪ А. П. КИРЬЕВСКОЙ.

6 марта, 1855 года.

Ну, что, друзья мои, какъ вы поживаете и что у васъ новенькаго? Каково твое здоровье, моя Дуняша? Теперь осталась одна я, которая имѣю право называть тебя Дуняшею, сестра моя. Да! еще есть другая съ этимъ правомъ: Анна Николаевна²⁾. Немного ужъ насъ, старыхъ современницъ, доживающихъ вѣкъ! Всякому своя очередь повертѣться на сценѣ міра! Миѣ хотѣлось бы дожить до конца трагедіи, которая разыгрывается теперь, потому что, какъ уйдешь отсюда, ужъ не будетъ дѣла до того, что происходитъ на этомъ кровавомъ театрѣ: *si l' on y fait la paix, si l' on y fait la guerre, s'il est la des hères, des grands, des potentats, si le sort y ravi ou donne des états.*

Миѣ хотѣлось бы знать—кто этотъ Ростовцевъ, котораго такъ любить Государь. Ростовцевыхъ нѣсколько братьевъ; я немного знала одного изъ нихъ, и вотъ какимъ образомъ: въ 1828 году, во время войны съ турками, когда Императрица была въ Одессѣ, Егоръ Васильевичъ былъ инспекторъ карантина и начальникъ обоихъ портовъ карантиннаго и практическаго. Ему было пропасть дѣла потому, что ни одинъ корабль не приходилъ и не уходилъ безъ него. Хотя Босфоръ, по причинѣ войны, былъ запертъ и торговли виѣшней никакой не было, но движеніе по Черному морю было превеликое. Множество иностранныхъ купеческихъ кораблей остались запертыми въ Одессѣ и всѣ они были зафрактованы правительствомъ для перевоза войскъ и продовольствія къ арміи, находившейся за Дунаемъ; слѣдственно, безпрестанно корабли то приходили, то отходили; при чемъ требовалось личное присутствіе Егора Васильевича, такъ что онъ никогда не зналъ ни часа своего обѣда, ни завтрака. Онъ любилъ, чтобы чай разливали при немъ, и я тогда сама разливала чай въ угодность ему, хотя очень

¹⁾ Рожденной Юшковой.

²⁾ Арбенева, кузина.

не люблю этой операціи. Въ одно утро онъ ушелъ по должности, а я сидѣла въ столовой за самоваромъ, ожидая его къ завтраку; вдругъ услышала, что колокольчикъ въ сѣняхъ зазвенѣлъ, кто то взошелъ на лѣстницу, и отворилась дверь въ гостинную. Полагая, что это Егоръ Васильевичъ, я пошла на встрѣчу, не дожидаясь доклада. Вижу передъ собой молодого гвардейскаго офицера, совершенно мнѣ незнакомаго. Онъ молча мнѣ поклонился. Я спросила: „Вы конечно, имѣете дѣло до Егора Васильевича?“—„Точно такъ,—отвѣчалъ онъ, улыбаясь,—я желалъ бы видѣть Егора Васильевича“.—„Теперь его нѣтъ дома, но онъ долженъ скоро прійти потому, что еще не завтракалъ. Не угодно ли Вамъ пожаловать ко мнѣ и выкушать чашку чая?“ Онъ опять поклонился и пошелъ за мной въ столовую. Сѣвши за столъ, онъ засмѣялся, нѣсколько смутился и сказалъ: „позвольте мнѣ спросить: кто такой этотъ Егоръ Васильевичъ, къ которому я пришелъ?“ Можете себѣ вообразить какъ меня удивилъ такой вопросъ! Я сказала ему, что это мой мужъ и кто онъ такой, потомъ, въ свою очередь спросила, почему онъ пришелъ къ человѣку, о которомъ не имѣеть никакого попятія? Тутъ онъ сказалъ мнѣ, что онъ—Ростовцевъ, по болѣзни былъ на кавказскихъ водахъ, когда началась война съ турками, и желая явиться въ полкъ, спрашивалъ у своего брата куда ему отправиться. Этотъ полкъ, егерскій гвардейскій, былъ уже за Дунаемъ. Братъ совѣтовалъ ему ѣхать въ Одессу, гдѣ всегда найдеть скорѣйшее средство явиться къ полку. Ростовцевъ пріѣхалъ въ ночь въ Одессу, какъ въ лѣсъ, не зная ни одной души. Поутру онъ пошелъ на бульваръ, въ концѣ котораго домъ Воронцовыхъ, гдѣ жила Императрица, и почти въ серединѣ бульвара былъ нашъ домъ. Къ Императрицѣ гвардейскій офицеръ долженъ былъ явиться, но было еще слишкомъ рано, и Ростовцевъ расхаживалъ взадъ и впередъ по бульвару, почти безлюдному. Навстрѣчу ему—какой то грекъ. Ростовцевъ остановилъ его и спросилъ—не можетъ ли онъ сказать ему, къ кому онъ долженъ отнестись, чтобы отправиться къ арміи.—Грекъ отвѣчалъ: „а вотъ къ Егору Васильевичу, онъ очень хорошій человѣкъ, сдѣлаеть все, что вамъ надобно, и вы стоите противъ его дома“. Грекъ не сказалъ ни фамиліи, ни должности того, къ кому посылалъ пріѣзжаго; а Ростовцевъ вошелъ прямо въ нашъ домъ, куда очень хорошо былъ адресованъ. Скоро пришелъ Егоръ Васильевичъ, мы вмѣстѣ всѣ позавтракали и посмѣялись случившемуся. Ростовцевъ былъ у насъ еще разъ и очень скоро отправился. Но, бѣдный!—онъ въ одномъ дѣлѣ былъ тяжело раненъ, и раненый попался въ плѣнъ къ туркамъ вмѣстѣ съ Докторовымъ, который тогда былъ еще юнкеромъ, и 18-ю человѣками солдатъ. Всѣ они очень много страдали, будучи въ плѣну. Однажды ихъ

поставили на колѣни, за каждымъ изъ нихъ сталъ турокъ съ обнаженною саблею и имъ велѣли готовиться къ смерти. Но въ ту минуту, какъ хотѣли съ нихъ снять головы, вошелъ посланный съ приказаніемъ вести ихъ въ Константинополь. Тамъ водили ихъ на показъ по улицамъ; народъ бросалъ въ нихъ грязь, камни, плевали на нихъ и, наконецъ, засадили въ тюрьму. Возвратились они изъ плѣна уже въ 1830 году, осенью, по заключеніи мира. Ростовцевъ и Докторовъ бывали у насъ. Ростовцевъ былъ очень печаленъ, и когда они пришли съ Докторовымъ, въ первый разъ вышедъ изъ карантина, Егоръ Васильевичъ просилъ ихъ отобѣдать у насъ, но Ростовцевъ отвѣчалъ: „нынче никакъ это невозможно!—сегодня мы угощаемъ нашихъ друзей-товарищей, тѣхъ солдатъ, которые были въ плѣну вмѣстѣ съ нами и которые выработывали деньги, чтобы насъ кормить“. Докторовъ много рассказывалъ о своемъ плѣнѣ, а Ростовцевъ, кажется, не могъ говорить объ немъ и былъ очень печаленъ. Вотъ мои милые, за неимѣніемъ лучшаго, маленькое повѣствованіе. Интересно ли оно вамъ покажется? Если нѣтъ—извините и не читайте! Обнимаю всѣхъ васъ. Христось съ Вами! Поздравляю съ днемъ рожденія Василя Кирѣвскаго.

